

С.В. Листиков

Версаль и «русский вопрос»: идея «окружения» Советской России и ее эволюция

На Парижской мирной конференции сложный «русский вопрос» западные политики метко сравнивали с обитающим в старинном замке кровавым призраком, вызывающим всеобщее отвращение, но требующим постоянного внимания.

Большевики показали себя сильными противниками. Факт укрепления их режима невозможно было не признать. Западные лидеры увязывали агрессивную пропаганду Советами идей мировой революции и их готовность нести ее на штыках другим народам с революционными всплесками в Венгрии, Германии, Австрии, Словакии, а также с ростом влияния социалистических и коммунистических партий и стачечными боями «разбуженных» войной масс. Особенно болезненно воспринимали дипломаты в Версале нарастание большевистской угрозы по отношению к возникшим на окраинах бывшей Российской империи национальным республикам, добивавшимся признания независимости со стороны западных держав.

Опасность большевизма казалась тем более весомой, что лидеры западных демократий неприязненно относились к Белому движению, подозревая его вождей в стремлении воссоздать авторитарную Россию дореволюционного образца. В союзных странах и США все отчетливее понимали неспособность «Белого дела» победить без их помощи. Все большее число западных политиков всего полгода спустя после начала интервенции считали ее несостоятельной. Будоражила сознание переговоров в Париже и перспектива сближения России и Германии, недовольных результатами войны. Подобное сближение в будущем грозило державам-победительницам большими неприятностями.

Опасаясь бесконтрольного распространения большевизма, западные политики еще до начала конференции вынашивали идею запретить его на ограниченной территории Центральной России, тем самым парализовав любые его попытки выплеснуться за эти рамки. Подобного

эффекта можно было достичь, окружив большевиков поясом враждебных государств. С этой целью могли быть использованы иностранные войска на территории России (в конце 1918 г. — до 180 тыс. чел.)¹, а также силы Белого движения. Предполагалось использовать блокаду и другие меры экономического, дипломатического и идеологического давления с тем, чтобы постепенно удушить большевизм в его собственной цитадели.

Так что французский «санитарный кордон» (*cordon sanitaire*), британское «ограничение» (*curtailment*), — президент США В. Вильсон нужного термина не подобрал, — совпадали в главном. Лидерам западных держав не приходилось ничего выдумывать, стоило лишь взять за основу то расчлененное состояние российского государства, в котором оно находилось до начала конференции. Действия союзников и США по «окружению» большевиков имели целью не позволить им захватить экономически и стратегически значимые районы, где происходило формирование «сил правопорядка» (Юг и Север России, Сибирь, прибалтийские земли).

Уже ранний, «доверсальский» период политики западных держав в отношении России выявил ту неразрешимую проблему, которая сделала задачу устранения большевизма невозможной. Новые национальные республики стремились к независимости, напротив, вожди Белого движения — к возрождению «единой и неделимой», а у «соседей» России — поляков, румын, финнов, — разыгрался аппетит в отношении ранее входивших в ее состав земель.

Да и сами союзники и США не были едины в видении будущего России. Вильсон все же надеялся на возрождение единой демократической державы. Несмотря на то, что представители Великобритании (от либерала премьер-министра Д. Ллойд Джорджа до воинственно У. Черчилля) придерживались разных, порой противоположных, взглядов, британцы все же видели Россию сильно усеченной и ослабленной за счет поощрения возникших в ее бывших пределах национальных государств. Французы (премьер Ж. Клемансо, дипломаты, а также военные во главе с маршалом Ф. Фошем) в силу разных обстоятельств колебались между первой и второй точками зрения².

Вплоть до подписания мирного договора с Германией (28 июня 1919 г.) представители западных держав дискутировали в рамках

Парижской конференции по поводу трех вариантов решения «русского вопроса». И «окружение» России рассматривалось лишь как один из трех подходов. Два других — это развитие интервенции (на чем настаивали Ф. Фош и У. Черчилль) или диалог с большевиками ради прекращения гражданской войны. На деле же варианты дополняли друг друга. В случае окружения большевиков «удавкой» из соседних государств, добивать их пришлось бы Колчаку и Деникину, — размышлял 16 января на заседании Совета десяти Д. Ллойд Джордж, мало веривший в перспективу торжества Белых сил³.

И в Принкипском (январь–февраль 1919 г.), и в Буллитовском проектах (февраль–март 1919 г.) идея «окружения» большевиков звучала вполне определенно. За Белыми правительствами предполагалось сохранить подконтрольные им территории, а к организации мира планировалось привлечь сопредельные с Россией государства. Союзники и США намеревались сыграть роль посредников⁴.

Идея «окружения» большевиков соседними с ней республиками получила реальное воплощение. Западные державы оказывали поддержку Финляндии: 5 мая 1919 г. ее независимость признали Англия и США. Переговорщики в Париже старались выработать внятную политику в отношении республик прибалтийского региона, определить меру и средства помощи национальным правительствам. Польские территориальные претензии распространялись на литовские, белорусские, украинские земли. Покровительство Варшаве со стороны Парижа, а также дипломатическое непротивление англичан и американцев проявилось во время польско-украинского конфликта по поводу Восточной Галиции. Румыния, надеясь на благожелательность западных держав, поглощала Бессарабию. Англичане же, опираясь на поддержку правительств закавказских республик, осваивались на перекрестке путей между Средней Азией, Индией и Ближним Востоком⁵.

В марте–апреле 1919 г., когда стала очевидной невозможность договариваться с Москвой о мире и при этом продолжать поддерживать «Белое дело», созрело принципиальное решение о выводе войск союзников и США из России. Так что «большой тройке» западных лидеров политика «окружения» Советов все более казалась единственно реально осуществимой. Даже либерал Вильсон почти в стиле Ж. Клемансо 25 марта предложил оставить русских за высокой стеной

«вариться в собственном соку», пока обстоятельства не вернут им здравого смысла⁶.

Весной 1919 г. наступление войск Колчака вроде бы возродило надежды на поражение большевизма. Но идея окружения России от этого не теряла своей привлекательности. Ведь «единая и неделимая» в будущем могла стать для союзников и США соседкой весьма неудобной. Неслучайно в ходе обмена посланиями с Колчаком по поводу возможного признания Омского правительства (27 мая и 4 июня 1919 г.) западные державы предлагали себя или Лигу Наций в качестве посредников в деле достижения согласия между Белым правительством и новыми де-факто существовавшими правительствами (в частности в Прибалтике)⁷.

Подписание мира с Германией изменило формат работы конференции, и коалиционная дипломатия отступила на второй план. Теперь решение ключевых международных проблем брали на себя столицы западных держав. Лидерство в поисках ответа на «русский вопрос» перешло к Лондону. Париж искал с ним согласованных решений, а США, в силу внутривосточных обстоятельств, постепенно отстранились от участия в принятии решений. После неудачи наступления Колчака неуверенность в конечном успехе Белых сил у парижских «сидельцев» окрепла.

В августе–ноябре в речах и письмах Д. Ллойд Джордж развивал мысль, что поддержка сил Белого движения без ясных перспектив стала слишком обременительной. Пора было назвать сроки и сумму, по завершению и использованию которых возможности союзников считались бы исчерпанными. А вот Черчилль, даже добившись выделения 7 октября военным кабинетом помощи Деникину в размере 3 млн фунтов, постепенно сдавал позиции⁸.

Стратегия «окружения» Советской России становилась единственно возможной. Очередным шагом в этом направлении стали попытки западных держав подтолкнуть к сотрудничеству конфликтовавшие между собой антибольшевистские силы. Наиболее весомые усилия были предприняты союзниками и США для того, чтобы наладить отношения генерала Н.Н. Юденича с финнами и эстонцами и тем самым помочь им овладеть красным Петроградом (две неудачных попытки в мае–июне и сентябре–ноябре)⁹.

На своих восточных рубежах небольшевиетские силы Европы летом–осенью 1919 г. строили заслон возможной экспансии Москвы. Сложность была однако в том, что пограничные государства далеко не во всем слушались Парижа и ради решения собственных задач выказывали готовность к замирению с Советами. Склонность к дипломатическому маневрированию осенью обнаружили и финны, и прибалтийские республики. На севере заслон большевизму обретал скорее оборонительный характер.

А вот территориальные амбиции Польши были поддержаны Западом, надеявшимся увидеть ее ключевым звеном антибольшевиетской цепи государств. 25 июня западные державы санкционировали военную оккупацию и гражданское управление поляками Восточной Галиции. Румынские войска получили значительную поддержку оружием и снаряжением. Крупные политики, мечтавшие возможно туе затянуть петлю вокруг большевиков, — Дж. Керзон и У. Черчилль, из русских Б. Савинков, — строили планы создания единого фронта народов от Прибалтики до Кавказа, с участием в нем Белых сил¹⁰.

Блокада работала в прежнем режиме. Однако, понимая несуразность подобного решения с международно-правовой точки зрения, в октябре 1919 г. союзники по согласованию с США пошли на крайний шаг. Они обратились к нейтралам и Германии с просьбой отказаться от торговли с большевиками. Немцы — знаменательное событие — отказались¹¹.

В последние месяцы 1919 г. западные политики утратили надежды на победу Белого дела после ряда поражений войск А.И. Деникина. А во внутренней междоусобице перспективы победы Советской республики становились все более очевидными. Но по периметру ее границ — от Баренцева до Каспийского моря — выстроилась цепь республик, находившихся под влиянием западных держав.

В британской позиции по «русскому вопросу» соперничали два подхода. Один — жесткий до агрессивности — продвигали Дж. Керзон и У. Черчилль. Другой — сдержанно антибольшевиетский и реалистичный — последовательно реализовывал Д. Ллойд Джордж. И в то же время эти линии пересекались. Ведь одной из главных причин принятого в середине января 1920 г. решения возобновить торговые отношения с Советской Россией были надежды на эволюцию большевиетско-

го режима, перерождение радикальных революционных взглядов его вождей в более приемлемые для Запада. А тогда и поясу пограничных государств сдерживать давление большевиков стало бы легче. Ллойд Джордж проявил чудеса изворотливости, и ему удалось заручиться поддержкой союзников на конференции премьеров Англии, Франции, Италии 14–16 января 1920 г. Американцы, сначала поворчав, 6 марта 1920 г. объявили о готовности снять ограничения с частных лиц, желающих торговать с Россией¹².

Если Ллойд Джордж определял задачи «крепости» на границах Советов как защитные, то Керзон и Черчилль с плохо скрытой надеждой на лучшие времена мечтали как можно более усилить ее, чтобы нанести разящий удар по большевизму. Столкновение двух версий «окружения» России произошло 11–13 декабря 1919 г. на встрече премьер-министров в Лондоне. Эта встреча фактически констатировала прекращение интервенции и поддержки Белых сил. Россию предполагалось окружить «прочным забором» соседних государств. А вот попытка Керзона создать из них нечто вроде организации для «сдерживания большевизма» при поддержке западных союзников была Д. Ллойд Джорджем и Ж. Клемансо отвергнута. Обтекаемая и защитная, несшая в себе слабые коллективные начала позиция западноевропейских держав в течение последующих недель и месяцев не выдержала испытания в Закавказье¹³.

И все же на момент завершения конференции (21 января 1920 г.) «окружение» Советской России, достаточно плотное на ее западных рубежах, состоялось. Фронт ее противников не был монолитным и носил оборонительный характер. В результате противоборства западных держав и большевиков складывалась патовая ситуация. Большевики получали передышку, которой могли воспользоваться для укрепления режима, но при этом о перспективах «мировой революции» могли помышлять, скорее, теоретически. Западные державы, со своей стороны, не справились с задачей уничтожения большевизма.

Таким образом, как считали видные представители Белого движения, в Париже не решили главной проблемы. Выстояв, большевизм мог принести миру и России огромные беды. Русский посол в Вашингтоне Б.А. Бахметев в письме госсекретарю Р. Лансину 17 января 1920 г. пророчествовал: в условиях враждебного окружения большевистский

режим неизбежно обретет в глазах русского народа образ защитника национальных интересов и укрепится. А вот то, что Белое дело проиграет большевикам, выбьет почву из-под ног патриотической оппозиции. Во внешней политике Бахметев прочил Советской России «возрождение империалистических устремлений»¹⁴.

«Окружение» большевиков не решало и так важного для Запада вопроса о недопущении альянса Советов с Германией. В марте 1919 г. представлявший торгово-промышленные круги России М.В. Челноков дал свой прогноз: «Союзники не понимают, что война продолжается, что попустительство большевиков приведет к войне Германии в союзе с большевиками против Франции, которая и будет раздавлена, ибо Англия и Вильсон не успеют помочь»¹⁵. А Лига Наций, созданная для предотвращения войны, — как бы подхватывал эту мысль русский посол во Франции В.А. Маклаков в мае 1919 г., — не сможет эту угрозу отвести и «мобилизовать имеющиеся в ее распоряжении международные средства»¹⁶. Решения Версаля давали русским политикам основания предвидеть события на пару десятилетий вперед.

Примечания

1. См.: *McMillan M.* The Peacemakers. The Paris Peace Conference of 1919 and Its Attempts to End War. L., 2002. P. 80.
2. *Гарднер Л.* Вильсоновское понятие «либеральной» политики в контексте событий в имперской Германии и революционной России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: Пролог XX века / отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998. С. 323; *Goldstein E.* Winning the Peace. British Diplomatic Strategy Planning and the Paris Peace Conference, 1916–1920. Oxford, 1991. P. 140–146; *Hovi K.* Cordon Sanitaire, or Barrier de L'est? French European Alliance Policy, 1917–1919. Turku, 1975. P. 136–217; *Thompson J.* Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, 1966. P. 46–61.
3. US Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919. In 13 Vols. Wash., 1942–1947. Vol. 3. P. 583 (Далее: FRUS. PPC);
4. О Принкипской конференции, миссии У. Буллита см. подробнее: *Штейн Б.Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920). М., 1949. С. 94–164; *Gardner L.* Safe for Democracy:

- The Anglo-American Response to Revolution, 1913–1923. N.Y., 1984. P. 233–242; *Mayer A.* Politics and Diplomacy of Peacemaking. Containment and Counterrevolution at Versailles 1918–1919. L., 1967. P. 410–487.
5. Бессарабия на перекрестке Европейской дипломатии. Документы и материалы / отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 1996. С. 168–193; *Зубачевский В.А.* Политика России в отношении восточной части Центральной Европы (1917–1923 гг.): Геополитический аспект. Омск, 2005. С. 79–81, 84–89; *Листиков С.В.* Проблема независимости Финляндии на Парижской мирной конференции в контексте вопроса о сохранении целостности России // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света: сб. ст. в честь В.Л. Малькова. М., 2011. С. 327–350; *Склярлов С.А.* Определение польско-украинской границы на Парижской мирной конференции // Версаль и новая Восточная Европа / отв. ред.: Р.П. Гришина, В.Л. Мальков. М., 1996. С. 136–152; *Page S.* The Formation of the Baltic States. Cambridge, 1959. P. 125–165; *Kazemzadeh F.* The Struggle for Transcaucasia, 1917–1921. N.Y., 1951. P. 163–173, 199–203.
 6. Mantoux's Notes on Two Meetings of the Council of Four. March 25, 1919 // The Papers of Woodrow Wilson / ed. by A.S. Link. Vol. 56. Princeton, 1987. P. 254 (далее: PWW).
 7. Dispatch to Admiral A.V. Kolchak. Meeting of Council of Four. May 27, 1919 // PWW. Vol. 59. P. 543–546; A.V. Kolchak to G. Clemenceau. June 4, 1919 // PWW. Vol. 60. P. 141–144.
 8. *Дэвис Д., Трани Ю.* Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002. С. 262–263; *Gilbert M.* Winston S. Churchill. Vol. 4: The Stricken World, 1916–1923. Boston, 1975. P. 320–365.
 9. См.: *Смолин А.В.* Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). М., 1998. С. 91–111, 235–252, 351–368.
 10. *Брюггеманн К.* Эстония и Петроградский фронт гражданской войны в 1918–1920 гг. // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 23–24, 27–30; *Склярлов С.А.* Указ. соч. С. 152–157; *Смолин А.В.* Указ. соч. С. 368–384; *Thompson J.* Op. cit. P. 363–367.
 11. *Foglesong D.* America's Secret War Against Bolshevism. Chapel Hill, 1995. P. 248–252; *Thompson J.* Op. cit. P. 325–328.

12. FRUS. PPC. Vol. 9. P. 863–866, 868–871, 889–890. См. также: Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 2. С. 263–264.
13. FRUS. PPC. Vol. 9. P. 847–852; *Thompson J.* Op. cit. P. 368, 370–375.
14. В.А. Bakhmeteff to R. Lansing. Jan. 17, 1920 // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 6. Л. 61–63 (далее: ГАРФ).
15. М. В. Челноков — В. А. Маклакову. 3 марта 1919 г. // ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 285. Л. 31–32.
16. В.А. Маклаков — А. А. Нератову. 9 мая 1919 г. // ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 35. Л. 4–5.

В.А. Зубачевский

Советская Россия и начало геополитической трансформации Центрально-Восточной Европы (1918–1919 гг.)

Геополитическая трансформация Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) в результате итогов Первой мировой войны способствовала обострению международных отношений и началу Второй мировой войны. В средние века к ЦВЕ относили польско-литовское государство, Чехию и Венгрию. До 1918 г. регион входил в состав Австро-Венгрии, Германии и России, являясь буфером между западом Центральной Европы и Восточной Европой. Территориальные параметры континентальных держав определяли их международное влияние и обуславливали равновесие сил в ЦВЕ.

Революции 1917 г. и Брестский мир способствовали подъему национально-освободительных движений на территории бывшей Российской империи. После свержения династии Романовых Временное правительство поддержало лозунг единой и неделимой России. Но под давлением Петроградского Совета кабинет Г.Е. Львова согласился 29 марта 1917 г. на «создание независимого польского государства, образованного из всех земель, населенных в большинстве польским